

М.Л. Каленчук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

mkalenchuk@yandex.ru

ОРФОЭПИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА

В статье на материале проведенного анализа привлекается внимание к тому факту, что в современной отечественной лексикографии сосуществуют два не конкурирующих между собой типа орфоэпических словарей — фундаментальные словари академического толка и словари трудностей произношения. Разница между этими словарями в первую очередь в мотивации их пользователей, а также в системе нормативной оценки звуковых вариантов и объеме предлагаемой орфоэпической информации. Словарь трудностей произношения нужен носителю языка тогда, когда он начинает сомневаться в правильности выбора варианта произношения или ударения. А сомневаться в выборе человек может только тогда, когда он осознает само наличие выбора. При этом реальное число произносительных вариантов несопоставимо больше, чем вариантов, заметных для носителя языка. К осознаваемым вариантам произношения относятся акцентологические и фонемные варианты, к незаметным — звуковые и варианты, связанные с наличием / отсутствием дополнительного ударения, а также любых фонетических компрессий и деформаций слова в потоке речи. Фундаментальные словари отличаются от словарей произносительных трудностей не только отбором явлений по принципу осознаваемости / неосознаваемости носителями языка. В фундаментальных словарях принята сложная и расчлененная шкала нормативной оценки, они ориентированы на профессионала-лингвиста, должны предъявлять реальную орфоэпическую проблему и показывать устройство сложно организованных участков системы в понятном для подготовленного читателя виде.

Ключевые слова: лексикография, орфоэпические словари, орфоэпическая норма, словари трудностей, фундаментальные словари.

1. Известно, что орфоэпические словари — это лингвистические лексикографические источники, в которых сообщается информация об орфоэпических нормах языка. Несмотря на кажущуюся прозрачность дефиниции, нет устоявшихся

представлений о специфике данного типа словарей. Среди словарей, кодифицирующих произносительные нормы, представлены два основных типа, в связи с чем спорным представляется вопрос о том, чем является конкретный орфоэпический словарь — словарем трудностей произношения или фундаментальным словарем.

Среди орфоэпических словарей в первую очередь выделяются словари трудностей произношения, основная задача которых — помочь говорящему и пишущему в правильном выборе произношения и ударения, предостеречь от наиболее распространенных ошибок. Второй тип — это фундаментальные орфоэпические словари академического типа. В чем принципиальные различия между названными типами лексикографических источников?

2. Словарь трудностей произношения нужен наивному носителю языка тогда, когда он начинает сомневаться в правильности выбора варианта произношения или ударения: *джинсовый* или *джинсóвый*, *включит* или *включит*, *було*[ш]ная или *було*[ч']ная, *брю*[н'э]т или *брю*[нэ]т и т. д. А сомневаться в выборе человек может только тогда, когда он осознает само наличие выбора. При этом реальное число произносительных вариантов несопоставимо больше, чем вариантов, заметных для носителя языка. Почему одни случаи осознаются, а другие находятся «в тени» нашего языкового сознания?

2.1. Легче всего замечаются акцентные варианты, связанные с основным местом ударения в фонетическом слове: *баржа* или *баржа́*, *творог* или *твóрог*, *звало* или *звалó*, *документ* или *доку́мент*, *за город* или *за гóрод*. При этом наличие или отсутствие дополнительного ударения в слове в большинстве случаев не осознается — *многоканальный* или *многоканáльный*.

2.2. Обычно носитель языка замечает различия в произношении, связанные с изменением фонемного состава, и игнорирует те, которые затрагивают только аллофонный состав. В лингвистике существует разграничение этих областей вариативности: вариантность фонемного состава морфем относят к орфоэпии, а вариантность звуковой реализации фонем — к орфофонии [Вербицкая 1976: 25–28; Касаткин 2014: 184]. Так, легко фиксируются различия в произношении *порядо*[ш]ный или *порядо*[ч']ный, *мыл*[сь] или *мыл*[с'ъ], *со*[н'э]т или *со*[нэ]т. Поскольку трактовка вопроса об отнесении конкретного звука к той иной фонеме различна у представителей разных фонологических школ, то, возможно, следует признать, что при действии орфоэпической закономерности следует принимать во внимание понятие звукотипа, а не фонемы [Добрушина, Пожарицкая 2017]. Так, человек легко замечает разницу в произношении между *п*[а]́т или *п*[о]́т, при этом, согласно МФШ, гласная фонема в первом предупредительном слоге одна и та же: (/o/), а по теории Санкт-Петербургской фонологической школы — разные (/a/ и /o/). Очевидно, в подобных случаях носитель языка оценивает тождество звуко-типов, а не фонем.

Но способен ли носитель языка осознавать звуковые различия в случаях *в*[и^е]сна или *в*[э^н]сна, *дли*[нн]ый или *дли*[н]ый, *ра*[сс]лédовать или *ра*[с]лédовать, *шер*[с']ть или *шер*[с]ть и пр.? Думается, что без специально организованного наблюдения это невозможно.

Что имеется в виду, когда противопоставляются в рамках данного рассуждения фонемные и чисто фонетические орфоэпические варианты? Фонемные различия имеют самостоятельный характер и не зависят от окружения (*прог/р'есс* — *про-г/р/есс*). Варьирование звуковой оболочки морфем при сохранении их фонемного состава всегда несамостоятельно, позиционно обусловлено, это результат действия совокупности различных факторов как языкового, так и социолингвистического характера: [с']*нег* — [с]*нег* — реализация того или иного варианта зависит и от позиции щелевого зубного перед мягким [н'], и от влияния позиции начала слова, и от использования системы «старшей» или «младшей» произносительной нормы. А как известно, позиционно обусловленные явления всегда незаметны для носителя языка, поскольку автоматически «сопровождают» другие языковые сущности, являясь их «отблеском». «У говорящих, не заинтересованных специально в фонетической проблематике, не может возникнуть потребности выбора варианта [см'ех] или [с'м'ех] — говорящий обычно не отдает себе отчета в том, как он произносит такое сочетание согласных, а слушающий не воспринимает таких особенностей произношения» [Пожарицкая 2004: 121].

Хорошо заметны различия между фонемными вариантами конкретных слов (*галоши* — *калоши*, *ноль* — *нуль* и т. д.) или вариантами морфем, в которых происходят грамматические чередования фонем (*подру/г/а* — *дру/ж/ный*), но, строго говоря, подобные факты — область лексики и морфологии, а не орфоэпии.

2.3. Не замечают носители языка любые типичные деформации слов в звучащем тексте. Был проведен эксперимент, в ходе которого аудиторам-нефонетистам были предложены записи произношения слов *лейтенант*, *аквариумный*, *пятьдесят*, включенные в тексты достаточно большой длины. Во всех записях указанные слова были произнесены с определенной фонетической компрессией, деформацией — [л'и]тeнáнт, аквá[р'у]мный, [п'ии]сáт. Именно так эти слова в большинстве случаев и произносятся в потоке речи, только в особых просодических условиях проявляется их сверхполное произношение. Участникам эксперимента предлагалось ответить на вопрос, могут ли данные слова быть произнесены не так, как в предложенной записи. Про слова *лейтенант* и *аквариумный* абсолютно все испытуемые ответили, что другое произношение невозможно, а при просьбе произнести в изолированном употреблении так, как было произнесено в тексте, произносили по сути дела побуквенно, без компрессии, не замечая различий. Только в слове *пятьдесят* около 10% аудиторов заметили возможность другого произношения, без фонетической деформации.

На основании вышесказанного можно задаться вопросом — испытает ли человек потребность воспользоваться орфоэпическим словарем в тех случаях, когда он даже не осознает наличие произносительной проблемы? Конечно, нет. Получается, что «подлинная задача словарей — давать оценку тем альтернативным вариантам, которые осознаются говорящими и относительно которых существует возможность сознательного выбора и воспроизведения одного из них» [Пожарицкая 2004: 236]. Это верно, но лишь для одного типа орфоэпических словарей — словаря произносительных трудностей.

3. Совсем по-другому устроены фундаментальные орфоэпические словари. В «Большом орфоэпическом словаре русского языка» сказано, что он представляет собой словарь нового типа — это фундаментальный свод русского литературного произношения [Каленчук и др. 2017]. Слово *свод* употреблено в значении ‘сведения, данные о чем-л., сведенные вместе и представленные как итог’.

Практически все современные орфоэпические словари декларируют намерение «представить литературную норму во всем многообразии ее проявлений» [Борунова и др. 1989]; «считаем необходимым зафиксировать реальное многообразие сосуществующих в литературной речи вариантов произношения и ударения» [Каленчук и др. 2017] и т. д. Но отбор фактов, подлежащих орфоэпическому комментированию, и способы их оценки должны быть принципиально разными в словарях трудностей и в фундаментальных лексикографических источниках. Как уже было показано выше, словари первого типа, ориентированные на обычного носителя языка, должны предъявлять только то, что может вызвать произносительные проблемы у человека; словари второго типа, ориентированные на профессионала-лингвиста, — предъявлять реальную орфоэпическую проблему и показывать устройство сложно организованных участков системы в понятном для подготовленного читателя виде.

Фундаментальные словари отличаются от словарей произносительных трудностей не только отбором явлений по принципу осознаваемости / неосознаваемости носителями языка. В фундаментальных словарях принята сложная и расчлененная шкала нормативной оценки — «все многообразие языковых фактов не укладывается в простое противопоставление “норма — не норма”» [Борунова и др. 1989: 5]. Так, в 1–9 изданиях «Орфоэпического словаря русского языка» [Там же] предлагается следующая шкала нормативности:

- равноправные варианты: *сейф* [сэ] и [с'э];
- варианты нормы, из которых один признается основным, а второй снабжается либо пометой «и допустимо» (менее желательный вариант, который все же находится в пределах правильного): «экземпляр [зэ] и допустимо [з'э]»; либо «и допустимо устаревающее» (нормативный, менее желательный вариант, постепенно уходящий из языковой системы): «горничная — [ч'н] и допустимо устар. [шн]».

Но в последнем издании [Борунова и др. 2015], вышедшем под редакцией Н. А. Еськовой, подход к подаче нормативной информации изменился: «Впервые в практике создания ортологических словарей осуществлен разный подход к произносительным пометам, характеризующим варианты фонемного состава слов (например, такие, как твердость / мягкость согласных перед *e*), и к пометам, отражающим изменения звуков в определенных фонетических условиях (например, смягчение твердых согласных перед следующими мягкими). Только пометы первого рода оцениваются в данном словаре по шкале нормативности, для помет же второго рода фиксируется наличие двух вариантов — без оценки одного из них как более “правильного”» [Там же: 18].

Таким образом, можно заключить, что у «Орфоэпического словаря русского языка» постепенно изменился жанр — он прошел путь от фундаментального

словаря к словарю трудностей произношения, что проявляется в разведении осознаваемых и неосознаваемых носителем языка явлений и в единственной сохраненной информации для нефонемных орфоэпических вариантов — нормативен вариант или нет. Думается, что принятые Н. А. Еськовой решения заслуживают всяческого одобрения, но при этом не надо забывать, что в таком виде рассматриваемый словарь не может претендовать на статус фундаментального.

Авторы «Большого орфоэпического словаря русского языка» [Каленчук и др. 2017] ставили перед собой задачу создать полный свод произносительных явлений начала XXI в. В конкретных словах и словоформах приводятся все возможные в литературном языке варианты произношения и указывается, какое место каждый из вариантов занимает в литературном произношении, как варианты соотносятся между собой хронологически, по степени употребительности и частотности, а также как они связаны с определенными условиями произношения.

В «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Каленчук и др. 2017] шкала нормативности намного сложнее, чем в «Орфоэпическом словаре русского языка» [Борунова и др. 1989]:

- равноправные варианты: *аббат* — *a[бб]áт* и *a[б]áт*;

- неравноправные варианты:

- «и допустимо» (указывает, что следующий вариант менее употребителен): *поёт* — *n[a]ёт* и допустимо *n[o]ёт*;

- «и допустимо старшее» (указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к старшей норме): *иначе* и допустимо старш. *и́наче*;

- «и допустимо младшее» (указывает, что следующий вариант менее употребителен и относится к младшей норме): *звало* и допустимо младш. *звалó*;

- «и допустимо устарелое» (более редкое, чем «допустимо старшее», старомосковское произношение, встречающееся в современной речи): *противник* — *проти́[в]ник* и допустимо устарелое *проти́[в']ник*;

- «в беглой речи возможно» (более редкие варианты, встречающиеся при быстром темпе речи, в том числе и в слабых фразовых позициях): *абстракционизм* — *абстракц[ья]низм*, в беглой речи возможно *абстракц[а]низм*.

Подобный подход позволяет указать место конкретного варианта произношения на хронологической шкале, фиксируя как фонетические «архаизмы» разной степени удаленности от современного момента, так и «неологизмы». Также используемая система помет позволяет оценить степень употребительности и частотности произносительного варианта и возможные причины фонетической компрессии. Очевидно, что эти тонкости неважны для обычного носителя языка, запрос которого при обращении к орфоэпическому словарю обычно сводится к оценке «правильно — неправильно», «литературно — не литературно», «можно — нельзя».

Фундаментальный орфоэпический словарь не просто фиксирует и рекомендует или запрещает то или иное произношение: подача материала в словаре такого типа позволяет вскрыть механизмы проявления орфоэпических закономерностей. Проиллюстрируем это следующим на примере твердости / мягкости первого звука в сочетании *пт'* [Каленчук 2017]. Авторы [Борунова и др. 1989: 673] указывают: «По

старым нормам русского литературного произношения согласный [р] перед мягкими зубными и губными смягчался. Такое произношение встречается и сейчас, но как устарелое в словаре не отмечается». Во всех случаях в этом источнике рекомендуется твердое произношение звука [р] в позиции перед мягким [т']. Но эксперимент показал во многом противоречащее этим рекомендациям распределение твердых и мягких вариантов произношения (указан процент реализаций первой фонемы мягким звуком): *артист* — 21%; *артистический* — 25%; *вертится* — 21%; *конверте* — 3,5%; *насмёрть* — 17,8%; *партикула* — 0%; *партитура* — 0%; *партия* — 0%; *сертификат* — 0%; *смертельный* — 28,6%; *смерть* — 7%; *черте* — 3,5%; *чертей* — 32%; *чертенята* — 35,7%; *черти* — 14%; *чёртик* — 14%. На первый взгляд — хаос, факультативное распределение звуков, трудно объяснить, почему одно и то же сочетание фонем реализуется столь по-разному в разных словах. Но детальный анализ позволяет определить, что реализация первого звука в сочетании *рт'* не случайна, а зависит от совокупности фонетических, морфологических и лексических факторов:

- качество предшествующего гласного: после гласного непереднего ряда увеличивается процент произнесений с твердым звуком, после гласного переднего ряда — с мягким (ср. *партия* — *чёртик*);
- место по отношению к ударению: после ударного / перед ударным / между безударными гласными (ср. *черти* — *чертей* — *чертенята*);
- позиция перед мягким звуком во всех формах слова поддерживает произношение мягкого [р'], позиция перед мягким звуком в отдельных формах слова — твердого [р] (ср. *вертится* — *конверте*);
- в частотных словах вероятнее мягкий [р'], в более редких словах — твердый (ср. *артистический* — *партитура*);
- на конце слова: после ударного чаще твердый звук, после безударного — мягкий (ср. *смерть* — *насмёрть*).

Все указанные факторы, влияющие на реализацию первой фонемы в сочетании *рт'*, действуют не изолированно, а одновременно. В одних случаях вектор их влияния совпадает, что увеличивает процент одинаковых реализаций, в других — разнонаправлен. При этом должна быть выявлена и описана иерархия факторов.

Что делать с этими фактами кодификатору? С точки зрения словаря трудностей, кодификация в данном случае вполне допускает максимально упрощенное решение. Поскольку во всех случаях преобладающим является твердый вариант произношения, именно его и можно указать как единственно нормативный. Но с точки зрения фундаментального словаря такой подход не годится. Если снабдить указанные слова разными произносительными пометами, то удастся не просто ответить на вопрос, что правильно и допустимо в литературном языке, а что неправильно и не рекомендуется, но и показать для специалистов причины зафиксированных различий, выявив релевантные орфоэпические факторы (*пáртия*, *пáртикула*, *пáртиту́ра*, *се́ртифика́т*, *ко́нве́рте* — только твердый [р]; *сме́рте́льный* — [р] и допустимо старшее [р']; *а́ртисти́ческий* — [р] и допустимо устарелое [р']; *че́ртеня́та* — *че[р']те́нята* и *че[р]те́нята* и т. д.).

Суммируя все сказанное выше, можно заключить, что в современной лексикографии сосуществуют два не конкурирующих между собой типа орфоэпических словарей — фундаментальные и словари трудностей произношения. Разница между этими словарями в первую очередь в мотивации их пользователей, а также в системе нормативной оценки звуковых вариантов и объеме предлагаемой орфоэпической информации. Пора признать, что есть словари для обычных пользователей (к которым относятся и журналисты, и школьные учителя, и все интересующиеся русским языком), а есть словари для специалистов. Думается, что это разделение справедливо не только для произносительных словарей.

Литература

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / под ред. Р. И. Аванесова. 5-е изд. М. : Русский язык, 1989. 706 с.

Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение. Ударение. Грамматические формы / под ред. Н. А. Есковой. 10-е изд., испр. и доп. М. : Lingua : АСТ, 2015. 1007 с.

Вербицкая Л. А. Русская орфоэпия: К проблеме экспериментально-фонетического исследования особенностей современной произносительной нормы. Л. : ЛГУ им. А. А. Жданова, 1976. 124 с.

Добрушина Е. Р., Пожарицкая С. К. Орфоэпический взгляд на некоторые варианты явления русского литературного языка в эпоху корпусной лингвистики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. ст. по материалам ежегодной международной конференции «Диалог–2017». Вып. 16 (23) / отв. ред. В. П. Селегей. М. : Изд-во РГГУ, 2017. С. 372–384.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты / под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-Пресс, 2017. 1021 с.

Касаткин Л. Л. Современный русский язык. Фонетика. 3-е изд. М. : Академия, 2014. 272 с.

Пожарицкая С. К. Орфоэпия: идеи и практика // Язык и речь: проблемы и решения : сб. науч. тр. к юбилею профессора Л. В. Златоустовой / под ред. Г. Е. Кедровой, В. В. Потапова. М. : МАКС Пресс, 2004. С. 117–128.

M. L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

mkalenchuk@yandex.ru

ORTHOEPIC DICTIONARIES OF THE RUSSIAN LANGUAGE: THE PROBLEMS OF THE GENRE

The article draws attention to the fact that two types of orthoepic dictionaries that do not compete with each other exist in modern Russian lexicography — fundamental dictionaries of the academic sense and dictionaries of pronunciation difficulties. The difference between these dictionaries is primarily in the motivation of users when accessing them, as well as in the system of normative evaluation of sound variants and the amount of orthoepic information offered. A dictionary of pronunciation difficulties is necessary for a native speaker when he begins to doubt the correctness of the choice of pronunciation or accent. A person can doubt the choice only when he is aware of the very existence of a choice. At the same time, the actual number of pronounceable variants is incomparably greater than the variants that are noticeable for a native speaker. The conscious pronunciation options include accentological and phonemic options, while the invisible ones include sound and options related to the presence or absence of additional stress, as well as any phonetic compressions and deformations of the word in the speech stream. Fundamental dictionaries differ from dictionaries of pronunciation difficulties not only by selecting phenomena based on the principle of awareness / unconsciousness by native speakers. Fundamental dictionaries have a complex and dissected scale of normative evaluation. They are aimed at a professional linguist; they must present a real orthoepic problem and show the structure of complex sections of the system in a way that is understandable for a trained reader.

Key words: lexicography, orthoepic dictionaries, orthoepic norm, dictionaries of difficulties, fundamental dictionaries.

References

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiznoshenie. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Pronunciation. Accent. Grammatical Forms] (5th ed.). R. I. Avanesov (Ed.). Moscow, Russkii yazyk Publ., 1989, 706 p.

Borunova S. N., Vorontsova V. L., Es'kova N. A. *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiznoshenie. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Pronunciation. Accent. Grammatical Forms] (10th ed.). N. A. Es'kova (Ed.). Moscow, Lingua Publ., AST Publ., 2015, 1007 p.

Dobrushina E. R., Pozharitskaya S. K. [Orthoepic View of Some Variant Phenomena of the Russian Standard Language in the Era of Corpus Linguistics]. *Komp'yuternaya*

lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: sb. st. po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog-2017». Vyp. 16 (23) [Computer Linguistics and Intelligent Technologies: Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference *Dialog-2017*. Iss. 16 (23)]. V.P. Selegei (Ed.). Moscow, Russian St. Univ. for the Humanities Publ., 2017, pp. 372–384. (In Russ.)

Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* [The Large Orthoepic Dictionary of the Russian Language. Standard Pronunciation and Accent of the Early 21st century: the Norm and It's Variants] (2nd ed.). L. L. Kasatkin (Ed.). Moscow, AST-Press Publ., 2017, 1021 p.

Kasatkin L. L. *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika. 3-e izd.* [Modern Russian Language. Phonetics] (3rd ed.). Moscow, Akademiya Publ., 2014, 272 p.

Pozharitskaya S. K. [Orthoepy: Ideas and Practice]. *Yazyk i rech': problemy i resheniya: sb. nauch. tr. k yubileyu professora L. V. Zlatoustovoi* [Language and Speech: Problems and Solutions. Collection of Articles in Honour of L. V. Zlatoustova]. G. E. Kedrova, V. V. Potapov (Eds.). Moscow, MAKS Press Publ., 2004, pp. 117–128. (In Russ.)

Verbitskaya L. A. *Russkaya orfoepiya: K probleme eksperimental'no-foneticheskogo issledovaniya osobennostei sovremennoi proiznositel'noi normy* [Russian Orthoepy: On the Problem of Experimental Phonetic Research of the Features of the Modern Pronunciation Norm]. Leningrad (St Petersburg), Zhdanov Leningrad St. Univ. Publ., 1976, 124 p.